

DOI 10.31483/r-103941

Дзокаева Залина Майрамовна

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭТИКИ

Аннотация: экономисты пользуются властью над теми, кому они служат, в силу своей интеллектуальной монополии на предмет, имеющий жизненно важное значение для общества. Многие экономисты сегодня также обладают значительной институциональной властью. Экономические вмешательства, как правило, приносят как ожидаемый вред, так и пользу. Экономисты работают в мире эпистемической недостаточности, что подразумевает риск непредвиденного вреда. Каждое из этих утверждений не вызывает сомнений. В главе рассматривается проблематика того, что каждое предложение в отдельности и, безусловно, все они вместе подразумевают обязательство профессии решать профессиональные этические проблемы, которые влечет за собой экономическая практика. Профессия экономиста имеет сегодня слишком большое влияние, чтобы можно было допустить ее дальнейшее сопротивление серьезному взаимодействию с профессиональной этикой.

Ключевые слова: экономическая этика, профессии, профессиональные этические вопросы, институциональная власть.

Abstract: economists exercise power over those they serve by virtue of their intellectual monopoly on a subject of vital importance to society. Many economists today also wield considerable institutional power. Economic interventions, as a rule, bring both the expected harm and benefit. Economists work in a world of epistemic insufficiency, which implies the risk of unforeseen harm. Each of these statements does not cause any doubts. The chapter examines the problem of the fact that each proposal individually and, of course, all of them together imply the obligation of the profession to solve professional ethical problems that economic practice entails. The

profession of an economist has too much influence today to allow its further resistance to serious interaction with professional ethics.

Keywords: *economic ethics, professions, professional ethical issues, institutional power.*

Экономика не только не имеет свода профессиональной этики, но и никогда не проявляла особого интереса к этому вопросу. Общее отношение профессии было таким: экономика не нуждалась в специальном этическом кодексе, потому что каноны правильной профессиональной практики были слишком очевидны, чтобы требовать уточнения. Экономисты обычно настороженно относятся к любым средствам, которые могут установить монопольную власть в профессиональной сфере. Эта настороженность, в частности, относится к лицензированию, которое часто рассматривается как основное средство, с помощью которого обеспечивается соблюдение кодекса поведения.

Однако под профессиональной этикой мы подразумеваем не кодекс поведения. Профессиональная этика в своем лучшем проявлении включает в себя внимательное отношение профессии к этическим проблемам, возникающим в процессе ее работы. Это не простой свод правил, который можно прикрепить к стене кабинета, а живая традиция научных исследований, критического поиска, дебатов и изучения этических нюансов профессионального поведения. Она включает в себя средства, с помощью которых профессия способствует развитию этического сознания и передает этическую и практическую мудрость от одного поколения практиков к другому. И когда мы рассматриваем профессиональную этику в таком расширенном виде, мы обнаруживаем, что в экономике отсутствуют практически все ее компоненты.

Следует подчеркнуть, что некоторые экономисты преодолели давнее сопротивление профессии в отношении профессиональных этических вопросов, и они заслуживают упоминания. Эконометристы давно проявляют интерес к этическим вопросам, возникающим в статистической работе. Кроме того, одна

американская экономическая ассоциация, Национальная ассоциация судебных экономистов, обязала своих членов придерживаться ряда этических принципов в своей профессиональной деятельности. В последнее время экономисты-экспериментаторы также начали рассматривать этические проблемы, с которыми они сталкиваются в своей работе. Наконец, группа государственных экономистов создала «Ассоциацию за честность и ответственное лидерство в экономике и смежных профессиях» для продвижения добродетельного поведения среди экономистов. Безусловно, это важные и долгожданные события. Тем не менее, они представляют собой исключения из общего правила. Экономическая профессия и ее главные профессиональные организации последовательно предпочитают не заниматься исследованием этического содержания работы экономистов. Поэтому в экономике нет ни журналов, посвященных этическим вопросам, возникающим в экономической практике, ни текстов, ни учебных программ, ни тренингов, направленных на воспитание этического поведения экономистов. Сегодня становится все более очевидным, что такая точка зрения ошибочна и даже опасна. Экономика нуждается в профессиональной экономической этике, как и сообщества, которым экономисты стремятся служить.

Положительный пример профессиональной экономической этики. Далее представлен простой, «нарастающий» пример профессиональной экономической этики. Он состоит из четырех отдельных этапов. Каждый шаг подчеркивает важный аспект экономической теории и практики.

На наш взгляд, даже первый аспект, который мы будем обсуждать, оправдывает профессиональную экономическую этику. Каждый последующий аспект усиливает аргументацию. Центральным для всего, что последует далее, является момент, слишком очевидный, чтобы его упоминать, если бы не тот факт, что он имеет столь глубокое значение. Когда экономисты проводят и публикуют свои исследования, когда они оценивают, предлагают, защищают, советуют и консультируют, и когда они принимают бесчисленное множество других решений, которых требует их работа, они изменяют жизненные обстоя-

тельства тех, кто населяет экономику, иногда решающим образом. Это влияние влечет за собой этические обязательства, которые не являются ни очевидными, ни простыми для выполнения.

Интеллектуальная монополия и власть над другими. Первый шаг в аргументации таков: экономисты обладают властью над другими в силу своей интеллектуальной монополии на совокупность знаний, жизненно важных для социального благосостояния. Экономика сегодня представляет собой сложнейший предмет, который неспециалисты не могут понять. Язык и инструменты экономики требуют знания математики на уровне, который намного выше, чем у большинства образованных взрослых. Это обеспечивает экономистам определенную интеллектуальную монополию. Более того, знания, которые монополизируют экономисты, имеют значение – не только для экономистов, но и для сообществ, которым они призваны служить. В совокупности эти особенности создают значительное влияние профессии на разработку институтов и политики, которые будут влиять на жизнь других людей. В контексте влияния, которым пользуются экономисты вследствие интеллектуальной монополии, возникают сложные этические вопросы. Например, какова должна быть роль целевых сообществ в разработке политики? Должны ли они иметь значимое мнение, должны ли их ценности и чаяния влиять на формирование экономической политики или даже служить ограничителем для действий экономистов? Может показаться очевидным, что поскольку сообществу придется жить с последствиями любого конкретного вмешательства, оно должно обладать высшей властью, чтобы решать, какой курс действий принять и каким образом. Именно такой точки зрения придерживаются представители ряда других профессий, где практика оказывает решающее влияние на жизнь других людей, и где такие принципы, как «предварительное информированное согласие», недавно приобрели особую значимость.

Эта точка зрения подразумевает этическое обязательство профессии экономиста развивать способности и процедуры принятия экономических решений

в сообществах, которым они служат. Это также имеет отношение к вопросу о том, насколько оправданно для экономиста консультировать авторитарное правительство, где те, кто пострадает от экономического вмешательства, лишены реальной возможности решать свою экономическую судьбу. Однако эти выводы отнюдь не очевидны. Вместо этого можно обоснованно утверждать, что экономист обязан делать то, что лучше для общества, несмотря на отсутствие институциональных средств влияния общества на политику – например, при отсутствии демократического правления. Аналогичным образом можно утверждать, что экономист должен делать то, что лучше, даже если это влечет за собой курс действий, против которого активно выступает общество. С этой точки зрения, тяжелое этическое бремя сопровождает любую профессиональную практику – от медицины, социальной работы до юриспруденции – это бремя, которое берет начало в экспертизе, в «знании большего», чем те, кому профессионал служит. С этой точки зрения, этический экономист должен быть готов использовать свое влияние для проведения политики, которую должно хотеть общество, если оно понимает все последствия рассматриваемого дела. Какая же перспектива является правильной? Та ли это точка зрения, которая рассматривает интеллектуальную монополию экономиста как этическую проблему, подчеркивает автономию и целостность сообщества и требует его предварительного согласия в качестве условия для осуществления экономического вмешательства? Или же это точка зрения, которая вместо этого отдает предпочтение власти экономиста над формированием политики, вытекающей из ее опыта, что дает ему лицензию и даже обязывает экономиста принимать решения за других, когда у них нет политических или интеллектуальных ресурсов, чтобы решать за себя? Вторым вопросом, возникающим в контексте интеллектуальной монополии экономистов, заключается в следующем: как экономисты должны вести себя публично в ходе своей работы? Должны ли они выражать уверенность или они должны признать ограничения своей науки и сомнения в эффективности предлагаемого ими анализа и вмешательства? Что если экономист считает, что по-

литика, за которую она выступает, с большей вероятностью будет успешной, если она будет восприниматься обществом как заслуживающая доверия, как предполагает теория доверия к политике? Может ли она тогда «лгать» обществу – преувеличивать уверенность, которую она испытывает к этой политике – ради самого общества? И если это этически, может ли она также манипулировать данными, чтобы они выглядели как поддержка ее вмешательства в политику, если это тоже повысит успех политики? Почему или почему нет? На эти вопросы совсем нелегко ответить, особенно представителям профессии, которые не проходят никакой подготовки по вопросам такого рода.

Институциональная власть. Второй шаг в эскалации аргументов в пользу профессиональной этики заключается в следующем: власть, которая досталась экономисту в силу интеллектуальной монополии, была существенно усилена историческими событиями последних десятилетий, которые продвинули экономиста из периферийного советника в центральное лицо, принимающее решения. Короче говоря, власть профессии экономиста сегодня «институционализована». Примеры исторических событий, которые усилили институциональную власть экономистов, включают движение к независимым центральным банкам по всему миру; растущее влияние Всемирного банка и Международного валютного фонда с 1980-х годов на юге и с 1990-х годов в Центральной и Восточной Европе; растущую власть глобальных финансовых рынков и институтов всех видов, которые были частично стимулированы международной финансовой либерализацией, за которую экономисты так успешно выступали в течение последних нескольких десятилетий, и которые требуют тех видов моделирования, с которыми экономисты хорошо знакомы; и растущее влияние рейтинговых агентств, которые должны следить за этими обширными финансовыми институтами. Эти события придают профессии экономиста такую глубину влияния на человеческие дела, которой ни она, ни большинство других профессий не обладали в прошлом. Сегодня экономисты иногда управляют – они не просто советуют и консультируют. Они управляют в силу институциональной

6 <https://phsreda.com>

власти, которая теперь находится в их распоряжении. В крайнем случае, экономисты сегодня иногда оказываются на позиции социального инженера – статус, к которому некоторые представители профессии давно стремились. Институциональная власть, которой обладают экономисты, усложняет этические проблемы, с которыми они сталкиваются. Что значит быть «этичным экономистом» в этой сложной среде, где действия человека так непосредственно влияют на жизнь других людей? Ответ на этот вопрос совсем не прост. Экономисты, которые сегодня управляют страной, нуждаются в профессиональной этике, чтобы помочь им управлять той огромной властью, которой они обладают. Более того, сообществам, на судьбы которых влияет экономическая практика, необходима профессиональная экономическая этика как средство привлечения экономистов к ответственности за свои действия.

Неравномерность и ожидаемый вред. Третий шаг в случае эскалации происходит непосредственно: экономические вмешательства обычно по-разному влияют на различные группы людей. Некоторым людям вредит даже то, что считается полезным экономическим вмешательством. Наиболее распространенным примером является теория торговли: либерализация торговли способствует повышению совокупного социального благосостояния, но, тем не менее, вредит некоторым членам общества. Этот факт создает дилемму для практикующего экономиста и для профессии: должны ли экономисты отстаивать или проводить политику, которая навредит некоторым людям ради так называемого блага общества? Большинство экономистов поспешат ответить «да» (как и все хорошие утилитаристы). Хотя в некоторых случаях утвердительный ответ может быть оправдан, следует подчеркнуть, что спешить с этим ответом ни в коем случае нельзя. Профессиональная медицинская практика дает рекомендации по этому вопросу. Имеет ли право врач помещать в карантин здоровых членов общества, подвергшихся воздействию вируса во время эпидемии, когда это считается лучшим способом остановить кризис? И имеет ли право врач прервать жизнь одного человека, чтобы извлечь органы, которые спасут жизнь (несколь-

ким) другим? Оба эти случая влекут за собой серьезный вред для одних ради блага других. Тем не менее, мы, возможно, захотим провести между ними различие. С этической точки зрения мы можем счесть более правильным одобрить карантин, даже если он лишает людей важных прав и даже увеличивает вероятность того, что некоторые из тех, кто подвергается сегрегации, заболеют и даже умрут в силу того, что их поместили в одну клетку с другими инфицированными, чем одобрять лишение жизни для извлечения органов. А может быть, это различие подозрительно с этической точки зрения? При более внимательном рассмотрении можно прийти к выводу, что эти два случая должны решаться на одинаковых этических основаниях. Дело в том, что постановка этих двух случаев рядом вызывает момент колебания, момент дискомфорта, когда мы стараемся обдумать все сложности и этические аспекты вопроса. И эти колебания, когда мы тщательно обдумываем, что значит, для профессионала причинить вред одному ради блага другого, дают основания надеяться на этичность медицинской практики. Экономисты, с другой стороны, редко колеблются. Для нас в порядке вещей отстаивать политику, которая вредит одним и приносит пользу другим. Мы склонны обходить этические трудности, которые это вызывает, обсуждая теоретическую возможность компенсации Калдора-Хикса для тех, кому нанесен ущерб, хотя мы знаем, что в большинстве реальных случаев полная компенсация редко происходит. Эта тенденция среди экономистов (которую мы обычно не терпим среди врачей) поднимает важный вопрос: что же такого есть в экономике, что составляет это огромное этическое различие? Возможно, ответ был бы найден в области профессиональной экономической этики, если бы она существовала. Или, возможно, вместо этого мы узнаем, что экономика похожа на медицину в плане своих центральных этических дилемм; и что экономисты слишком быстро навязывают затраты одним ради выгоды других, не обращая внимания на важные этические возражения против такой практики, возникшие в других областях.

Неопределенность, риск и непредвиденный вред. Последнее предложение касается эпистемического состояния экономиста, под которым мы подразумеваем достаточность знаний в процессе формирования политики. Экономисты обладают достаточным знанием контекста, в котором они работают, и последствий своих действий – поэтому они знают, что политика, которую они рекомендуют, будет успешной, и они знают, каковы будут точные последствия успеха этой политики. В этом мире не существует риска неудачи – даже вред, связанный с экономической политикой, предположительно заранее известен экономисту, который выступает за эту меру. Именно такой подход к политике Дэвид Коландер называет «экономикой контроля». Четвертое предложение оспаривает эти утверждения. Оно заключается в следующем: практикующий экономист работает в мире неопределенности, где ошибки неизбежны, непредвиденные последствия являются нормой, а человеческая субъективность – это не временное ограничение, а неизменное условие нашего существования и действия в мире. Несмотря на успехи, достигнутые в экономике за последнее столетие, экономист сегодня не знает и не может контролировать, будет ли успешной та или иная политика; он также не знает с уверенностью, какой вред может быть причинен политикой в случае ее успеха или неудачи и т. д. Здесь присутствует определенная степень незнания; существует неопределенность на многих уровнях, и, как следствие, существует риск провала политики. Таков типичный контекст большинства, если не всех, политических решений, включая экономические. Этические последствия этого понимания очень глубоки. В мире неопределенности даже самый опытный экономист может нанести существенный, непреднамеренный и непредвиденный вред. Этичный экономист должен принимать во внимание этот потенциальный вред, учитывать его в своих расчетах при отстаивании того или иного варианта политики. Но как она должна это делать? Какое новое бремя она несет, когда берется обслуживать сообщества, которые одновременно нуждаются в ее внимании, но могут пострадать от ее вмешательства? Риск причинения вреда – это то, чему необходимо противостоя-

ять с этической точки зрения. К сожалению, этическое управление риском не может быть осуществлено по формуле, например, путем универсального применения диктата «сначала не навреди». Профессиональная этика – это не формулы, которые позволяют нам спать спокойно. Если профессиональная этика не мешает нам спать по ночам, значит, она не выполняет свою работу...

Итак, перед нами обостренный вопрос о профессиональной экономической этике. Экономисты пользуются властью над теми, кому они служат, в силу своей интеллектуальной монополии на предмет, имеющий жизненно важное значение для общества. Во-вторых, многие экономисты сегодня также обладают значительной институциональной властью. В-третьих, экономические вмешательства, как правило, приносят как ожидаемый вред, так и пользу. В-четвертых, экономисты работают в мире эпистемической недостаточности, что подразумевает риск непредвиденного вреда. Мы бы сказали, что каждое из этих утверждений не вызывает сомнений. Спорным, пожалуй, является наше утверждение о том, что каждое предложение в отдельности и, безусловно, все они вместе подразумевают обязательство профессии решать профессиональные этические проблемы, которые влечет за собой экономическая практика. Профессия экономиста имеет сегодня слишком большое влияние, чтобы можно было допустить ее дальнейшее сопротивление серьезному взаимодействию с профессиональной этикой. Мы также утверждаю, что там, где на карту поставлены жизни других людей и где даже хорошо обученный и благонамеренный экономист может нанести существенный ущерб, неспособность профессии заниматься профессиональной экономической этикой представляет собой глубокий профессиональный этический провал.

Список литературы

1. Завойчинская И.Г. Профессионализм и нравственность как факторы развития экономики / И.Г. Завойчинская // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №2.

2. Канабеева Р.А. Экономика профессионализма / Р.А. Канабеева // Экономика образования. – 2020.

3. Фирсова О.И. Профессионализм как ценность и продукт современного непрерывного образования. Возможности и перспективы цифровой экономики в науке и образовании / О.И. Фирсова, О.Н. Омельчук, О.А. Козырева // Материалы межвузовской научно-методической конференции. – Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2021.

Дзокаева Залина Майрамовна – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», Россия, Владикавказ.
